

Вэй Минь взглянул на данные и хмыкнул:

— Пересечь полгалактики, обогнуть опасное галактическое ядро, проделать путь в тысячи световых лет до самого края рукава Ориона, чтобы захватить безлюдный сектор, даже не отмеченный в реестрах Галактического Альянса? Ха-ха, в этот раз всё еще безумнее.

Му Яо, не имея возможности что-либо изменить, ответил:

— Цель уже зафиксирована, осталось только проложить маршрут. К тому же приказы Му Ина не подлежат обсуждению.

— Эх, мы даже на юбилей Ее Величества императрицы не попадем. Представляю, как она расстроится, — вздохнул Вэй Минь.

Му Яо лишь беспомощно покачал головой:

— Чэнлань все равно никогда на них не ходил, так что Ее Величество наверняка привыкла. — Он подтолкнул Вэй Миня: — Хватит лежать, живо на флагман! Через двадцать минут отправление.

Он опасался, что Вэй Минь, чья лень не знала границ, снова опоздает, как в прошлый раз, когда ради того, чтобы догнать флот, пришлось угробить восемь самых быстрых имперских челноков. Разумеется, управляли ими другие, а сам Вэй Минь всю дорогу пролежал на кушетке.

— Лежа я доберусь не медленнее, — Вэй Минь небрежно откинул прядь волос, похожую на черный водопад. Не успел он договорить, как из ниоткуда возникли восемь юношей неземной красоты и, подхватив кушетку, на которой он возлежал, понесли её прочь.

Му Яо лишь молча проводил их взглядом.

Тяжело вздохнув, он покинул дворец Сицю и поспешил в Сад Просветления, где из поколения в поколение жила семья Му, чтобы хотя бы попрощаться — на сборы времени уже не оставалось.

Вторая экспедиционная армия под командованием Му Ина славилась своей скоростью и жесткой дисциплиной. Когда наступало время отправления, флот уходил без промедлений, даже если отсутствовал такой высокопоставленный офицер, как Му Яо. Либо ты успеваешь сам, как Вэй Минь, либо тебя ждет трибунал за неисполнение приказа и самовольное оставление поста. Конец карьере, тюремный срок — никаких оправданий и никакой жалости.

Потому что Му Ина с рождения интересовали только цели. Чувства были ему чужды.

Му Ин действительно не знал, что такое чувства.

Он был невероятно красив, но родился с копной белых волос. Его глаза, которые в младенчестве должны были светиться детской наивностью, с самого начала были холодными и

глубокими, словно он видел этот мир насквозь. Кроме первого крика при рождении, никто никогда не слышал его плача или смеха. Едва научившись твердо стоять на ногах в три месяца, он перестал подпускать к себе кого бы то ни было. Речевой аппарат был в полном порядке, но за год он едва ли произносил хоть слово. До сих пор он не назвал императора и императрицу отцом и матерью.

Для императора и императрицы, его кровных родителей, он стал источником бесконечных тревог. Добрая и мягкая императрица, как любая мать, пыталась согреть его своей любовью и терпением, но никогда не получала ни крупинцы тепла в ответ.

Игнорирование дня рождения матери для Му Ина было в порядке вещей — ему даже не требовалось придумывать оправдания.

Ради безопасности и сохранения исторического наследия планеты Цзывэй, небо над императорским дворцом было закрыто для полетов, а в радиусе всей планеты запрещалось стоять любым космическим кораблям.

Флагман Второй экспедиционной армии базировался на обратной стороне Иньюэ — одного из трех спутников Цзывэй, где располагался императорский космопорт.

Переодевшись, Му Ин на служебном автомобиле добрался до северного крыла дворца, чтобы сесть на специальный челнок, курсирующий между планетой и спутником.

Императрица Цан Чжи, облаченная в тяжелое парадное платье и массивную корону, примчалась прямо с изнурительной церемонии жертвоприношения, успев перехватить сына перед самой посадкой.

— Чэнлань! — императрица шагнула вперед. Хотя её сопровождала стража, она не стала отдавать приказа преградить ему путь — в конце концов, вся гвардия вместе взятая не справилась бы с одним Му Ином.

Императрица просто шла рядом с сыном.

Му Ин смотрел прямо перед собой, не удостоив мать даже секундным взглядом. Он не замедлил шаг, даже когда императрица начала отставать.

Она очень устала, но ей и в голову не пришло ухватиться за его руку, чтобы опереться. Во-первых, от Му Ина исходило такое незримое давление, что к нему было невозможно приблизиться. Во-вторых, она знала, что сын ненавидит прикосновения. Она мечтала обнять его, но любила и уважала его настолько, что сдерживала себя, не желая делать то, что ему неприятно.

Императрица с трудом поспевала за бесстрастным сыном. В её глазах светилась нежность и

надежда, дыхание сбивалось, но голос оставался мягким:

— Ты только вернулся... и уже уходишь? Не отдохнешь хотя бы несколько дней? В какую систему ты отправляешься в этот раз?

Вторая экспедиционная армия почти всё время проводила в походах. Когда Му Ин вернулся в этот раз, императрица втайне надеялась, что он приехал на её столетие. Оказалось, она выдавала желаемое за действительное. Вернувшись, Му Ин лишь отдал приказ о пополнении запасов и заперся в обсерватории дворца Сицю, даже не попытавшись повидаться с родителями, братом или сестрой.

И теперь он собирался уйти, даже не попрощавшись. Она, мать, чей день рождения праздновали сегодня, узнала об этом в разгар ритуала, бросила мужа и помчалась сюда, чтобы хоть мельком увидеть сына.

Она не видела его десять лет.

Му Ин молча ступил на борт челнока.

Императрица поднялась вслед за ним, и только тогда он произнес одно-единственное слово:

— Вниз.

Эти слова ранили острее ножа, но императрица лишь улыбнулась, не выказав ни капли обиды, словно получила самый ласковый ответ. Она крепко ухватила за подлокотник кресла и сказала еще мягче:

— Мама побудет с тобой... всего пять минут, я не задержу твой вылет.

Она с любовью разглядывала сына, изредка тревожно поглядывая на выход, словно чего-то ожидая.

Му Ин не стал её прогонять, лишь подключился к нейроинтерфейсу, чтобы изучить цели новой экспедиции и прогресс прокладки маршрута.

На четвертой минуте к челноку на огромной скорости подлетел гравикар. Стражники, с трудом выдерживая ледяное давление, исходящее от второго принца, передали на борт огромный контейнер с едой. Императрица просияла и протянула его сыну:

— Это твои любимые блюда, возьми с собой.

Му Ина никогда не заботили удовольствия от еды. Так называемые любимые блюда были лишь тем, к чему он однажды случайно притронулся дважды, а мать это запомнила.

Му Ин не шелохнулся, продолжая изучать карту.

Старшая принцесса Му Си, последовавшая за матерью из беспокойства, не выдержала. Ей

было больно видеть мать, а поведение Му Ина — с таким видом, будто весь мир задолжал ему огромную сумму — вызывало в ней ярость.

— Что это за отношение? Сегодня день рождения мамы! Ты не только не поздравил её, но даже не удосужился ответить, когда она заботится о тебе и привезла еду! Мама когда-нибудь сделала тебе хоть что-то плохое, что ты такой бессердечный?

На самом деле, ничего плохого не было. Любви, которую императрица дарила Му Ину, хватило бы на десятерых.

Императрица поспешно замахала на дочь:

— Сяо Ань, он помнит обо мне, раз позволил мне посидеть здесь пять минут.

Иначе, зная характер Му Ина, он бы вышвырнул их всех за секунду.

Мать смотрела на них с болью и смятением, не желая ссор между детьми. Му Си закусил губу, глаза её покраснели от злости, но продолжать обвинения она не могла.

К счастью, подросел Му Яо. Он поднялся на борт, взял контейнер и помог императрице сохранить лицо:

— О, по одному аромату чувствую, что здесь всё то, что мы с Чэнланем любим! Благодарю вас, прекрасная императрица.

Императрица сдержала слово и вышла из челнока. Му Ин, не выражая никаких эмоций, запустил двигатели и, не оглядываясь, исчез в пустоте...

Старшая принцесса была вне себя от ярости, но императрица не выглядела сломленной. Она улыбалась и махала рукой, громко напутствуя:

— Чэнлань, А-Яо, обязательно возвращайтесь живыми!

Если бы кто-то не видел всё своими глазами, он бы решил, что второй принц был с ними очень любезен.

Тут появился величественный император Му Кунь. Он терпеть не мог этот момент, когда его второй сын вызывал у всех скрежет зубов, но не мог запретить жене — этой матери — подставлять лицо под холод своего ребенка.

Му Кунь смотрел на жену, которая всем сердцем любила своих детей. С самого детства она твердила: «Сама родила, сама и люблю». Как бы холоден ни был Му Ин, она никогда не высказывала недовольства, чтобы лишний раз не навлечь на него упреки в несыновней почтительности.

Императрица раз за разом обжигалась об этот лед, но снова и снова улыбалась, открывая свое сердце, чтобы согреть сына.

К счастью, благодаря такой матери, второй принц, при всей своей холодности и своенравии, не стал всеобщим врагом, от которого отвернулись все.

Старшая принцесса, увидев отца, собралась было пожаловаться, но Му Кунь остановил её гневным взглядом. Разве хорошо, если все увидят раздор между детьми императора? Да и поможет ли крик Му Ину?

Му Кунь нежно обнял жену, даря ей поддержку. Он выглядел спокойным, словно обычный отец, провожающий ребенка в школу:

— Чэнлань улетел?

— Да, у него наверняка срочные дела.

— Ну и ладно, оставим его. Он уже взрослый, пусть идет своей дорогой. Ритуал завершен, скоро начнется банкет. Имею ли я честь пригласить эту прекрасную леди на первый танец?

— С удовольствием, мой рыцарь! — императрица ответила с изяществом, достойным королевы.

Супруги быстро взяли себя в руки и провели банкет в приятной атмосфере. Если не считать старшей принцессы, никто из них не выказал разочарования из-за отсутствия второго принца.

Ночью, когда гости разошлись, императрица позволила себе проявить немного беспокойства. Она обратилась к мужу, сидевшему позади неё:

— А-Кунь, мне показалось, Чэнлань сильно похудел. Как думаешь, понравилась ли ему еда, которую я приготовила? Может, он съест хоть немного?

Черт возьми, кто знает, что ему нравится? Для него любой человек или предмет делится только на две категории: полезно или бесполезно, послушен или нет.

Му Кунь равнодушно ответил:

— Да какая разница, что ест этот паршивец? Даже если не поест — не помрет. Дорогая, он уже взрослый парень. В конце концов, вне дома он сам кого хочешь обидит, никто не посмеет его задеть. Не бери в голову.

Император был вполне уверен в интеллекте, силе и беспощадном характере своего второго сына.

Но императрица не унималась:

— Но рядом с ним нет никого, кто мог бы согреть его душу, позаботиться о нем... — Она была в отчаянии из-за его ледяного нрава.

Позаботиться о нем? Этот паршивец целыми днями занят бог знает чем, какая ему забота нужна? И кто вообще способен его вынести? Ему бы пару найти, такую же нежную, умную и добрую, как его жена.

Чтоб красивая и могла накормить?

Сильная, чтобы согреть постель?

Если дать ему таких дюжину, он всех спустит в унитаз.

Кто с ним свяжется — тому не повезло!

Видя, что жена всё ещё переживает о сыне, Му Кунь почувствовал укол ревности. Знал бы он, что так будет — не заводил бы этого непланового ребенка. Всё из-за имперских законов: даже при наличии серьезных генетических отклонений аборт был запрещен.

Впрочем, вспомнив старшего принца и принцессу... тоже не подарок.

Дети — это сплошной долг.

Больше никаких детей!

Му Кунь повалил жену на кровать, принял самые надежные меры предосторожности и...

Любовь~~

Если бы не запрет на стерилизацию для императорской четы, Му Кунь давно бы сделал операцию, чтобы раз и навсегда избавить себя от подобных проблем.

7. Контракт! Цветок мастера

Солнечная система, Земля!

Прошло немало дней, прежде чем Нин Вэйфэн пришел в себя. Он прижал ладони к голове, в которой еще пульсировала остаточная боль, и спокойно лежал, не чувствуя страха. Он внимательно осмотрел себя: сознание было в порядке, тело — по-прежнему его собственное. Несмотря на то, что одежда куда-то исчезла, он не обнаружил в голове ничего лишнего.

Он не знал, как это произошло, но в той схватке сознаний, где шансы на успех были ничтожно малы, он все же победил.

В голове раздался чистый, наивный голос:

— Эй, ты меня слышишь?

Нин Вэйфэн повернул голову и увидел тот самый «похитивший» его семицветный цветок Феникса. Он был укоренен в бассейне из белого нефрита, а над цветком возвышалась гроздь мелких плодов, менявших цвет с зеленого на красный — они напоминали хохолок на голове феникса. Множество зеленых листьев конденсировали духовную энергию, которая сгущалась до состояния жидкости и капала в бассейн, где лежал Нин Вэйфэн.

В начале бассейн был полон, а теперь на дне остался лишь тонкий слой.

— Ответ же, — голос цветка прозвучал в его сознании, а маленький листик замахал, словно призывая к общению.

Нин Вэйфэн спросил:

— Что сказать?

Он продолжил изучать обстановку. Он находился в огромной подземной пещере. Вокруг не было ни лучика света, сплошная тьма, но ощущалось движение воздуха — значит, где-то был выход, хоть и далеко.

Хм... Нин Вэйфэн подавил в себе мысли о побеге, чтобы не разозлить цветок и не навлечь неприятностей. Он медленно поднялся, опираясь на края бассейна.

— Я не причиню тебе вреда, — цветок встряхнул листьями и начал ворчать: — Хотя у тебя тело без изъянов, мне совсем не нравится, как ты выглядишь. Всего две руки, две ноги... разве это красиво? У меня вот сколько нежных, гибких листьев и корней! И на голове плоды не растут. Уродство! — подвел он итог. — Все-таки лучше быть собой.

Нин Вэйфэн: ...

Ладно, это была разница в эстетических предпочтениях между двумя видами разумных существ. Нин Вэйфэн решил промолчать и спросил через сознание:

— А теперь объясни, что это было за вторжение в мой мозг!

Он продолжал осматривать пещеру. В полной темноте он должен был ничего не видеть, но заметил, что его чувства — зрение, слух, обоняние, осязание — стали невероятно острыми. Тьма больше не была помехой. Он видел всё в мельчайших деталях, даже то, как шевелили лапками многоножки на стенах пещеры.

В прошлой жизни он проглотил косточку абрикоса, что тоже обострило его чувства, но не до такой степени.

Значит... он прошел какой-то апгрейд?

— Ты поглотил большую часть духовной эссенции, которую я копил десять тысяч лет. Конечно, твоё тело стало сильнее, — пояснил цветок.

— Не уходи от ответа! — Нин Вэйфэн, как победитель в ментальной битве, занял жесткую позицию. В душе он был настороже: цветок обладал куда более мощным ментальным полем, раз мог читать его мысли.

Цветок встряхнул листьями, выражая обиду:

— Я всё время сидел под землей, не учил никаких языков. Чтобы лучше общаться с тобой, мне пришлось получить доступ к части твоего сознания...

— Ха! Взять без спроса — значит украсть, — фыркнул Нин Вэйфэн.

Цветок, словно запутавшийся ребенок, начал перебирать своими маленькими листиками, притворяясь несчастным:

— Прости, я не знаю правил людей. Растения, когда укореняются, никогда не спрашивают землю... Ладно, ты человек, по правилам людей я должен сказать «прости».

— Объясни, что такое «тело без изъянов», — Нин Вэйфэн попытался встать на ноги.

Цветок ответил:

— Это значит, что твое тело и душа абсолютно чисты, без единого пятнышка, не запятнаны никакими примесями...

Нин Вэйфэн приложил руку ко лбу... Это что, намек на то, что он прожил сотню лет без мужчины и до сих пор «девственник»?

Цветок добавил:

— И что с того? Я вот десять тысяч лет живу и тоже пары не нашел...

Нин Вэйфэн: ...Это что, повод для гордости?

— Ладно, не будем об этом, — Нин Вэйфэн не хотел обсуждать свою девственность с цветком.
— Я хочу уйти. Если у тебя есть что сказать, общайся по-человечески.

Если цветок снова попытается паразитировать, Нин Вэйфэн убьет его, какой бы ни была разница в силе.

Цветок понял, что наткнулся на крепкий орешек: соблазнить не удалось, заставить — тоже. Его плоды на голове поникли:

— Прости, я больше не буду тебя беспокоить. Я хочу уйти отсюда вместе с тобой, выполняю любое условие.

Такой тон был приемлем. Нин Вэйфэн не был мелочным:

— Причина!

— Ты не знаешь, как это — быть одному, — сказал цветок.

— Ты прочитал мои воспоминания и решил, что «страх одиночества» — моя слабость? Хочешь этим меня подкупить? — Нин Вэйфэн остался непреклонен.

— Главная причина в том, что ты — носитель тела без изъянов, рядом с тобой очень комфортно. К тому же у тебя богатая память, необычная судьба, ты много где бывал. С тобой будет интересно. — Цветок выдал свою любовь к приключениям.

Нин Вэйфэн вздохнул. Честно говоря, разумному существу, запертому на тысячи лет в темной пещере, должно быть очень одиноко. Но...

— Даже если я поглотил твою эссенцию, это вышло не по моей воле. Я тебе ничего не должен. Поэтому спасение тебя отсюда — не моя обязанность, — сказал Нин Вэйфэн, сохраняя бдительность на случай, если цветок решит напасть.

Цветок поник еще сильнее, его лепестки обвисли...

Видя, что цветок не делает глупостей, Нин Вэйфэн решил ответить взаимностью:

— Паразитировать на мне нельзя, но я могу найти тебе цветочный горшок...

— У меня есть свой горшок! — цветок пришел в восторг, его листья затряслись, он похлопал по белому нефритовому бассейну.

Нин Вэйфэн: ... — Он слишком большой, я не могу его выкопать.

— Я могу спрятать себя вместе с горшком в своем домене. Но мой домен не может перемещаться сам, а я чувствую, что хоть ты и недостаточно силен, в твоем сознании есть законы домена. Ты можешь переносить мой домен, вот я и...

Независимый домен?

Нин Вэйфэн был удивлен.

В прошлой жизни он практиковал боевые искусства и духовные техники и знал, как это сложно. Независимый домен был далеко не у каждого.

Среди разумных существ лишь один из миллиона достигал 12-го уровня и становился мастером боевых искусств. Один удар — и десятки тонн силы, горы дрожали от его рук. Только мастера могли создавать независимое поле, управляя гравитацией и другими правилами.

А мастеров духовных техник 12-го уровня было один на десять миллионов. Их ментальная сила позволяла в одиночку управлять целым космическим авианосцем. Мастера духовных техник могли создавать независимый домен — особое пространство, где они устанавливали свои правила.

Стать мастером 12-го уровня означало сделать шаг к святости, после чего открывались по-настоящему сверхъестественные силы. Поэтому все мастера были гордостью межзвездной цивилизации.

Это звучало почти как магия, но таков был путь эволюции разумных существ в космосе. Развивая технологии, они должны были непрерывно совершенствовать себя, чтобы их цивилизация не угасла в бесконечной реке времени.

Нин Вэйфэн в этой жизни, обладая сознанием мастера духовных техник, понимал законы домена, хотя сам домен у него пока отсутствовал.

И именно поэтому он привлек внимание этого цветка.

Хе-хе...

<http://bllate.org/book/19844/1953747>